

Политическая риторика как квазисимволизация?

Глеб Мусихин

Доктор политических наук, профессор департамента политической науки
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: gmusikhin@hse.ru

В статье риторика рассматривается как основной способ аргументации в контексте политической символизации. Автор исходит из того, что символическое воздействие в политическом контексте предполагает общее знание информации, но не опирается на заранее оговоренную реакцию на данную информацию. Специфическое содержание политической символизации выводится из анализа теории символа, созданной немецким романтизмом. Политическая символизация концептуализируется в статье как множественность заранее неконвенционализированных смыслов коммуникации в политическом контексте. Утверждается, что политическая символизация — плохо поддающееся прогнозированию явление, которое как если бы происходит, но в коллективном восприятии наделяется большей, нежели реальные события, явленностью. Автор показывает, как механизм убеждения превращается в политике в самостоятельную величину, которая является инструментом трансляции идей и может продуцировать новые смыслы. В данном контексте политическая аргументация — это не просто средство продвижения политики, характер аргументации в значительной степени создает политику. В рамках политической риторики «истина» и «ложь» выступают суждениями идеологизированного нормативного языка. Поэтому способность «навязать» общественности собственную идеологическую перспективу как конструкт, состоящий из ценностных и когнитивных элементов, приобретает принципиальное значение. При формировании политической повестки дня владение аргументационными ресурсами становится реальной политической силой. Однако не всякая риторическая апелляция к политическому сообществу может привести к устойчивой и деятельной коллективной самоидентификации, сопровождающейся выработкой новых политических смыслов через коллективные суждения.

Ключевые слова: риторика, политическая аргументация, механизмы убеждения, символ, политическая символизация, немецкий романтизм

Политическая риторика в контексте политической символизации

Для политического контекста принципиально важно не только то, что говорится, но и то, каким образом и для чего это говорится. Как сформулировано политическое послание, какие выбраны аргументы, какому стилю убеждения отдано предпочтение: все это не вторичные элементы по отношению к онтологической составляющей политики, а значимая часть политической реальности. Символическое

пространство¹ политики зачастую возникает как спонтанное неконвенциональное социальное взаимодействие, порождающее устойчивые (и уже конвенциональные) модели отношений. Эти модели не следует отождествлять с процессом политической символизации, поскольку в таком случае будет заблокировано понимание возникновения нового политического качества.

Сразу оговорюсь, что политическая риторика понимается мной в контексте политической символизации². При этом производится концептуальное отделение политической символизации от позитивистского объяснения политики, так как соотношение между теми, кто знает, и тем, что известно, ускользает от позитивистской фиксации политических интересов. С позиций политической символизации политические изменения могут быть не только отражением интересов, но и следствием существования различных когнитивных конструкций. Поэтому вопрос об истине в политике является риторическим, а не содержательным³.

Теоретическим основанием концептуализации политической символизации выступает эстетическая теория символа, созданная немецким романтизмом⁴. Последний перенес акцент символизации с взаимоотношений реальности и символа на взаимодействие автора и создаваемого им символа. Следовательно, символ прекрасен в той мере, в какой он не транзитивен, т. е. (в диалектической логике) целостен. Символу можно уподобиться, но его нельзя разложить на составные элементы и перевести в другую форму. По своему смыслу это завершение диалектической триады означаемое—означающее—символ.

Романтически понятый язык как становление содержит в себе механизм производства нового смысла как приращения нового качества, которого не было в непосредственно произносимых словах. Оно появляется только как результат интерактивного толкования, и этот результат не предопределен. Динамическое понимание языка согласовывалось с динамическим пониманием романтической символизации, которая отличается от обозначения тем, что акцент делается на процессе экспрессии в противовес процессам подражания и репрезентации, т. е. выразительность доминирует над репрезентативностью.

Политическая символизация сопровождается разговором не о том, что невозможно выразить, а об ассоциациях (число которых не предопределено, а потому несогласуемо), вызываемых изначальной идеей или явлением как источником символизации. Имеет место недостаточность конкретного смысла, адекватного логике. Можно сказать, что в процессе символизации означаемое выходит за рамки означающего, только в толкованиях участников коммуникации. Несказуемость

1. Рефлексия политического как социального пространства выходит за рамки данной статьи. О социологии пространства см.: Филиппов, 2007.

2. О политической символизации см.: Мусихин, 2015а: 130–144.

3. Политическая риторика не будет рассматриваться мной в контексте коммуникативной демократии как механизм включения или исключения в процессе делиберации (Young, 2000), меня в первую очередь интересует проблема образования (необразования) нового политического смысла.

4. Подробнее о символической теории немецкого романтизма см.: Тодоров, 1998. О политическом романтизме см.: Шмитт, 2015.

или интуитивность символа в современных терминах можно концептуализировать как *множественность смыслов коммуникации, конвенциональность которых заранее не обеспечена*. Это и есть *суть процесса политической символизации*. Когда (и если) мы воспринимаем символ, проявляется его косвенный смысл (смыслы), и именно это производит символический эффект, который не предзадан и непредсказуем.

Политические символы разворачиваются *не от значения к значению, а от суждения к суждению*. Обязательным контекстом их возникновения выступает не мыслительный процесс, а актуальная речевая ситуация, которую не следует отождествлять с дискурсом⁵. Политические символы образуются не из связи знака и предмета как обозначения, а из связи говорящего (показывающего, пишущего) и слушающего (смотрящего, читающего). В первом случае мы объясняем значение (принимаемого бюджета, победы на выборах той или иной партии, последствий заключенного соглашения и т. д.), во втором — осуществляем коммуникацию, чреватую возможностью коллективного самоосознания.

Первоочередное значение имеет контекст коммуникации (косвенное толкование), а не значимость логических доводов как таковых, которые лишь *как бы* играют главную роль. В случае символического толкования (восприятие/воздействие) исследователь должен совершить немислимое с точки зрения логического позитивизма, но необходимое для понимания контекста: знаки и означаемые ими предметы нужно противопоставлять только на функциональном, но не субстанциональном уровне. Именно такого функционального противопоставления при игнорировании субстанциональных различий придерживался Геббельс в своей знаменитой пропагандистской формуле: «Чем чудовищнее ложь, тем скорее в нее поверят».

Знаки в политике имеют только прямой смысл, в то время как символическая реальность политики предполагает наличие смысла косвенного, причем последний, как правило, преобладает в процессе символизации. Для политического контекста риторика представляет не совокупность знаков, а целенаправленное действие, цель которого — убедить участников коммуникации. На первый план выходит не правильность и даже не привлекательность политического речевого послания, а его *уместность*.

Злоупотребление формальной стороной политической риторики свидетельствует, что в политическом контексте *не следует смешивать семантику языка со смыслом речи как таковой*. Эти две сферы тесно переплетены, но не тождественны. В реальных политических разговорах мы оперируем политическими смыслами, тогда как семантика сосредоточена на значениях лексикона, и то, что этот лексикон политический, для семантики не принципиально.

5. В данной статье не используется подход школы критического дискурс-анализа Тёна ван Дейка, исследовавшего риторику в политическом дискурсе как конструкторе семантических значений, а не символических суждений (van Dijk, 2008).

Зафиксировав, что для анализа символического содержания политики важное значение имеет смысл, следует разделить последний на прямой и косвенный. Прямой смысл, как правило, не запускает процесс политической символизации, поскольку в большинстве случаев не требует толкования. Иначе говоря, политическая символизация в подавляющем большинстве случаев имеет дело с косвенным смыслом политических разговоров по поводу политических событий, хотя для политической символизации его наличия недостаточно. Точно так же факт разговора о политике еще не означает включения подобного разговора в политическую речевую ситуацию. Толкование, запускающее процесс политической символизации, происходит только тогда, когда одновременно осуществляется производство смысла и выражается несказуемое. При этом принципиальное значение имеют не объекты толкования как таковые, а позиции тех, кто толкует.

Важность политической символизации как деятельности состоит и в том, что она способна создать эффект чувственного (квазиосозаемого) присутствия, так как множественное толкование политических идей через символизацию «сжимает в точку» явления, которые происходили лишь «как бы», но *в коллективном восприятии наделяются большей явленностью, нежели реальные события*. Множественность толкования и потому нетранзитивность политической символизации ведет к тому, что последняя, образно говоря, «не помещается в головах». Эта эпистемологическая ограниченность коллективного опыта порождает коллективное воображение как элемент самоосознания. Фантазия замещает чувственный опыт как таковой.

Способна ли риторика запустить процесс политической символизации? Риторические приемы позволяют использовать в политической коммуникации элементы авторитета, эмоций и аргументов, но возникает ли в этом случае действительный символический синтез⁶ этоса, пафоса и логоса, способствуя неконвенциональной коллективной самоидентификации, порождающей новые смыслы единства и задающей новые нормы?

Ставшее трюизмом выражение «идеи правят миром» не совсем соответствует политической реальности. Правят только идеи, убедительные для того политического сообщества, которое ими пользуется и на них ориентируется. Иными словами, недостаточно сформировать идею, в политическом контексте принципиально, чтобы она была убедительна. Механизм убеждения превращается в политике в самостоятельную величину, которая не просто служит инструментом трансляции идей, сам этот механизм может продуцировать новые смыслы. В рамках политической символизации политическая реальность, помимо политического содержания, обязательно включает себя элементы активного синтеза, форму данного содержания и способ его донесения.

6. О символическом синтезе см.: Мусихин, 2015в: 45–57.

Политические суждения: от значений к аргументам

Если концентрироваться на исследовании *значений* политических идей (в случае устойчивого комплексного упорядочивания они конденсируются и дифференцируются в идеологии), мы оказываемся заложниками парной категории означаемое-означающее. Делая акцент на первом, мы приходим к необходимости анализировать концепты (Freedен, 2005: 117–124), сосредотачиваясь на втором, направляем исследовательский фокус на дискурсы (Laclau, 1990; Norval, 1996; Howarth, Norval, Stavrakakis, 2000). Попытки провести смысловые связи от одного к другому обрачиваются тем, что политическая теория подменяется семантикой, для которой принципиальное значение имеет язык как таковой, а то, язык ли это политики, экономики или чего-то еще, вторично.

Во многом концептуальная и дискурсивная сферы политики не поддаются синтезу. Концептуализация мира политических идей предсказуемо ведет к тому, что на первый план выходят структура тех или иных концептов, соотношение и смысловая иерархия концептуальных компонентов, влияние исторического контекста на логику трансформации концептов. Дискурсивные же практики требуют особого внимания к деятельностной стороне политики. Здесь важную роль начинают играть отслеживание договоренностей о смыслах тех или иных значений, а также конфликты по поводу этих договоренностей. Моментом синтеза может стать акцент на способах обоснования и концепций, и дискурсов, что позволит снять данную оппозицию, сконцентрировавшись на механизмах аргументации, существующих в символическом пространстве политической реальности.

Все сколь-нибудь успешные концептуальные идеологические модусы современности обладают убедительным (для определенных социальных слоев) и эмоционально привлекательным концептуальным ядром. Более того, они способны откликаться на значимые события окружающей жизни и аргументировать, почему объяснение данной идеологии наиболее убедительно (Freedен, 1996: 178). С точки зрения позитивистской *истины* все объяснения будут фантазиями, однако самые убедительные и аргументированные из них окажут очевидное влияние на политическую реальность. Иначе говоря, адаптация политических идей к меняющимся условиям общественной жизни не менее важна, чем концептуальная целостность, а эмоциональная привлекательность интеллектуальных доводов способна сыграть существенную роль в коллективной самоидентификации социальных групп, создавая неконвенциональные толкования общих политических смыслов, где эмоциональность будет содержаться в снятом виде.

Если смотреть на политические идеи с точки зрения дискурсивных взаимодействий, то мы увидим идеологические дискурсы как смысло- и формообразующие элементы общественной жизни, которые путем «поименования» формируют и упорядочивают мир политически должного всех значимых общественных движений. Иногда этот мир называют осовремененными политическими мифами (Laclau, 2007: 109), однако я бы воздержался от такого отождествления, поскольку

наличие мифов как таковых в современном мире — скорее метафора, нежели реальный образ мышления значимых социальных групп (Мусихин, 2015б: 102–117). Здесь же принципиально важно, что процесс принятия или отрицания тех или иных «имен» в качестве эквивалентных или смещенных смыслов можно рассматривать как риторическую организацию социального пространства, задающую логику конструирования политической идентичности. Конденсация и дифференциация общественных интересов происходят, когда люди определенным образом формулируют и выражают эти интересы.

Аргументация как механизм формирования политических смыслов носит в обозначенном контексте универсальный характер. Дело не в том, что она подменяет концептуальную или дискурсивную сферы политики, а в том, что присутствует в обеих сферах, но не является просто инструментальным элементом.

Именно от политики ждут ответов на вызовы меняющегося мира, именно *политика* — «передовой рубеж» выработки новых смыслов человеческого существования.

Политическая аргументация состоит не только из ответов на новые вопросы, она обладает механизмами формулирования таких вопросов, адресуя их обществу, идеологическим оппонентам, политическим сторонникам и т. д. Чаще всего это вопросы *риторические*, которые становятся аргументационным ресурсом убеждения: «Кто виноват?», «Что делать?», «Есть ли альтернатива рынку?» Риторическое содержание подобных вопросов продиктовано тем, что, формулируя их, политические акторы оперируют «когнитивными ярлыками», чаще всего хранящимися в различных идеологиях. С точки зрения аргументации, идеологии являются хранилищами общих смыслов, которые как риторический ресурс могут быть использованы в новой ситуации. Эти риторические конструкции не будут новыми, но они не будут и противостоять новизне из-за своей крайней абстрактности, которая «впитывает» в себя новое содержание.

При этом важно помнить, что абстрактность «когнитивных ярлыков» идеологий не означает их аргументационной универсальности. Скажем, социалисты не смогут, апеллируя к равенству, обосновывать меры жесткой экономии, ведущие к усилению неравенства. Поэтому риторические политические вопросы предполагают определенные ответы. В результате сходные политические мероприятия получают со стороны политических акторов разное обоснование. Социалисты могут прибегнуть к мерам жесткой экономии, но их аргументация будет отличаться от консервативной и скорее всего потребует большей изощренности для оправдания нехарактерных для принципов социальной справедливости методов оздоровления экономики. Подобная аргументация может оказаться более или менее убедительной, однако она вряд ли запустит процесс политической символизации.

В радикальном виде изощренная аргументация может приобрести форму идеологически мотивированного цинизма, и тогда не только цель будет оправдывать средства, но и средства будут предполагать специфический характер целей. Нацисты подожгли Рейхстаг и обвинили в этом коммунистов, но консерваторы-тра-

диционалисты, будучи непримиримы к коммунистам, вряд ли пошли бы на такой шаг.

Что такое политическая риторика: от оценочных объяснений к контекстуальному пониманию

Как ни странно, оценочная нагруженность понятия и слова «риторика» сродни идеологии. Оценочные объяснения связывают риторику с неискренностью, искажением реальности, желанием добиться поддержки не апелляцией к фактам, а через их тенденциозную речевую интерпретацию (Partington, 2003). В политике риторику зачастую противопоставляют фактическому политическому действию (Browne, Dickson, 2010; McCrisken, 2011) или еще шире — политической реальности (Easterly, Williamson, 2011; Hehir, 2011).

Оценочный негативизм во многом является следствием позитивистской интерпретации политики как совокупности эмпирических фактов. Все, что не поддается позитивистской эмпирической фиксации, объявляется не поддающимся научному изучению, а значит, несущественным и в конечном счете нереальным.

Язык в принципе не способен оказывать прямое физическое, а потому насильственное воздействие. Считается, что сила языка состоит в его способности к косвенной манипуляции индивидуальным и коллективным сознанием тех, кто воспринимает речевое воздействие, и что умелые политики-ораторы в состоянии повлиять на предубеждения, амбиции и страхи политического сообщества, в результате чего ложные утверждения могут быть приняты как истинные, а чужие интересы поддержаны даже вопреки собственным (Thomans, Wareing, 1999).

В контексте политической символизации «истина» и «ложь» выступают суждениями идеологизированного нормативного языка. А вот способность «навязать» общественности собственную идеологическую перспективу как конструкт, состоящий из ценностных и когнитивных элементов, действительно приобретает принципиальное значение. Если политические лидеры и значимые социальные группы оказываются вовлеченными в подобный идеологический конструкт, это минимизирует транзакционные издержки восприятия политической информации и общественность быстрее и легче принимает аргументы политической элиты.

Я не случайно употребил слово «навязать» в кавычках. Для того чтобы значимые социальные группы восприняли политическую аргументацию лидеров как свою собственную позицию и основу для коллективного самоотождествления, политикам необходимо использовать те риторические конструкции, которые близки данным группам. Политикам «на словах» нужно действительно быть «с народом». И здесь политические лидеры неминуемо берут на себя идентификационные обязательства, ведь слова и действия не могут расходиться принципиально. Если это все же происходит (что в политике не редкость), такое расхождение тоже нужно аргументированно обосновать, а это, в свою очередь, накладывает на политиков определенные обязательства перед их сторонниками.

Если отойти от позитивистской трактовки политики и рассматривать последнюю как сферу образования специфических смыслов и специфических взаимодействий между индивидами и группами, суждения о риторике будут иметь качественно иной характер как механизм формирования политических смыслов, с тем чтобы сделать коммуникативное взаимодействие между политическими акторами более продуктивным.

Фундаментом риторики как механизма аргументации по-прежнему остаются классические работы Аристотеля (Аристотель, 1978) и Цицерона (Цицерон, 1994: 162–371)⁷. Однако современное развитие медиа совершенно изменило контекст, в котором происходит политическая аргументация (Valentino, Nardis, 2013: 559–590; Черных, 2013). На протяжении столетий публичная аргументация подразумевала наличие классических ораторских качеств: громкий голос, жестикауляция, умение общаться с большой аудиторией лицом к лицу.

В современной политике, когда оратор чаще всего общается с аудиторией опосредованно, через медиаресурс, граница между политическим действием и развлечением размывается (Van Zoanen, 2005). Отправляя политическое послание, автор не знает, что делают его адресаты «по другую сторону» медиа: внимательно смотрят и слушают, едят, готовят на кухне, выясняют семейные отношения и т. д. Это не могло не повлиять на стилистику политической аргументации⁸.

Самое очевидное изменение — переход к *разговорному стилю* общения. Различия словарного набора в политическом и приватном нарративе становятся трудноразличимы, если вообще заметны (Thompson, 2011: 49–70). Поэтому способы выражения политических аргументов приобретают крайнее разнообразие, а прогнозирование массового отклика на такие аргументы становится практически невозможным. Современному политику, чтобы быть услышанным и истолкованным, не нужно быть оратором или златоустом, все большее значение в публичном пространстве получает так называемая «*риторика имиджа*» (Barthes, 1977: 32–51), которой вообще нет в классических трудах по риторике.

Современные медиа привели к тому, что отправители политических посланий не знают, в каком состоянии будут находиться адресаты при получении данного послания. В этом смысле политическая аудитория не только крайне диверсифицирована, она *постоянно пребывает в процессе диверсификации*. Речь идет именно об аудитории, воспринимающей политическое послание и способной истолковать его в виде суждений. Такую аудиторию не следует отождествлять с различными социальными группами. Констелляция политической аудитории может трансформироваться даже в ходе получения политического сообщения по не зависящим от его содержания причинам (кто-то обратил внимание на телевизор, кто-то отвлекся).

Тотальное воздействие современных медиа привело к диалектическому результату: вероятность такого воздействия стала в принципе случайной, а потому

7. О новом этапе развития риторики с середины XX в. см.: Toulmin, 2003.

8. О трансформации стилистики риторической аргументации см.: Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1969.

фрагментарной. В этой ситуации вероятность запуска процессов политической символизации крайне невысока. Поэтому те, кто видит прямые связи между медиапропагандой и поведением аудитории, либо выдают желаемое за действительное, либо проецируют на массовую аудиторию собственные профессиональные страхи и стереотипы людей, в силу своих профессиональных интересов отслеживающих политический медиаконтент.

Благодаря развитию средств передачи информации пространственно-временной континуум политической аргументации сжался до точки «здесь и сейчас», это, в свою очередь, ведет не только к интенсификации политических коммуникаций, но и непредсказуемой трансформации смыслов посылаемых сообщений. Аргументы, высказанные по определенному поводу для определенной аудитории, могут быть по-новому истолкованы в ином контексте (Antaki, Leudar, 1991: 467–488). Достаточно вспомнить громкую историю с «подсмотренным» выступлением М. Ромни во время президентской кампании США в 2012 году. Фраза Ромни о том, что 47 % избирателей не платят подоходный налог и никогда не проголосуют за республиканского кандидата, вполне корректна, однако обретя антураж «подсмотренной/подслушанной», в устах политических оппонентов она стала «доказательством» того, что Ромни не может быть президентом всех американцев. Хотя было известно, что около 40 % избирателей не хотели голосовать за Барака Обаму.

Проблема «новых медиа» связана и с развитием Интернета. Новые медиа отличаются крайне избирательным воздействием политической информации, что влечет за собой неведомую ранее фрагментацию политической аргументации с одной стороны, и потенциальное *снижение непреднамеренного отклика* аудитории на политическую информацию — с другой (в Интернете пользователи чаще всего ищут информацию как оценку и выбирают ее как факт). Интернет является полем для дискуссий уже политически определившихся групп и индивидов, неопределившееся или политически индифферентное большинство, скорее всего, не воспримет политическую аргументацию новых медиа, так как не будет ее искать. А если это так, то «слухи» о скорой смерти традиционных СМИ (прежде всего телевидения) сильно преувеличены. Примечательно, что в последние годы появились эмпирические исследования, скептически оценивающие роль «цифровой революции» в развитии политической аргументации (Jouët, Vedel, Comby, 2011: 361–375; Jansen, Koop, 2005: 613–632; Deacon, Wring, 2011; Van Zoonen, Vis, Mihelj, 2011).

Сжатие пространственно-временного континуума политической аргументации создает опасность фрагментации последней, что стирает границы между различными политическими направлениями. В результате аргументация по типу «здесь и сейчас» становится *неузнаваемой* с точки зрения публики, что может стать убийственным для политических сил, обладающих ядерным электоратом. Стилистика аргументации должна узнаваться идеологическими сторонниками при обсуждении любой значимой политической проблемы. Отсутствие аргументационной стратегии со стороны политических организаций может получить коллективное истолкование оправдания политического неучастия как протеста (Condor, Gibson,

2007). На формальном уровне статистики это можно интерпретировать как подтверждение экономической модели демократии Энтони Даунса, однако контекстуальный механизм такого неучастия будет совершенно другим.

Попытки ключевых политических акторов быть адекватными политическому моменту не ведут к тому, что аргументы политических оппонентов становятся идентичными. Даже если содержательно это так, стилистически они всегда отличаются. Однако протест неучастия вызывает именно стилистика как аргументационная стратегия политической пропаганды, а не обсуждения политического курса. Постоянная «текучесть» и изменчивость аргументации как стилистики символически истолковываются в массовых суждениях определенным образом — «все они одинаковые»: приспособленцы, демагоги, забыли о простых людях.

При анализе политических нарративов важно не концентрироваться только на «модном» поиске и анализе дискурсов. В этом случае будет зафиксирована лишь рефлексия когнитивной активности политических обсуждений, а если такая активность выявлена не будет, последует вывод, что люди в массе своей не интересуются политикой и не разбираются в ней. Между тем люди не интересуются политикой с точки зрения того, как исследователи понимают то, что значит интересоваться политикой. Массовые суждения о политике попросту не приобретут семантического значения политического дискурса в ходе корректного дискурс-анализа.

Политическая риторика: инструмент манипуляции или механизм аргументации?

Античные авторы отводили важную роль риторике именно в публичных политических спорах, поскольку в ходе последних истина может быть вообще недостижима вследствие серьезных аргументов обеих сторон. При этом ситуация, как правило, осложняется нормативной неоднозначностью аргументов, которые не поддаются ранжированию с точки зрения существующего политического порядка (Palonen, 2005: 363; Мусихин, 2007), — достаточно вспомнить «вечный» спор сторонников свободы и равенства или дискуссии о недопустимости для мусульманки делать фото на паспорт без платка. И если спор действительно значим в публичном пространстве политики, т. е. исход дискуссии реально зависит от публики, то необходимость адаптации аргументов к конкретной аудитории становится принципиально важной задачей выработки политического курса, а не просто примитивного манипулирования общественным мнением.

Поэтому при формировании политической повестки дня владение аргументационными ресурсами приобретает смысл реальной политической силы. В этом контексте владение конкретной информацией еще не обеспечивает решающего преимущества в борьбе за влияние на общественное мнение. Это отчасти объясняет, почему профессионалы управленцы неуверенно чувствуют себя в пространстве публичных политических дискуссий. Сами они заявляют, что привыкли за-

ниматься делом, а не разговаривать попусту, однако последнее как раз является примером риторической аргументации.

Риторика представляет собой органическую часть политики как явления, возникшего в рамках европейской цивилизации (Skinner, 1997). Приемами риторической аргументации пользовались выдающиеся представители политической мысли от Макиавелли и Гоббса до Шмитта и Арндт и те, кого сейчас принято называть профессиональными политиками. Парламентская деятельность эпохи Модерна сделала риторику обязательным атрибутом политического процесса вне зависимости от того, нравилось это ключевым политическим акторам или нет. Весьма показательным в этом отношении письмо премьер-министра Великобритании лорда Солсбери королеве Виктории, датированное 1887 годом, где он, в частности, писал: «Этой обязанностью произносить политические речи, осложняющие работу Ваших слуг, мы всецело обязаны мистеру Гладстону» (цит. по: Pugh, 1982: 3). Заметим, что написано это было с расчетом, что широкая общественность никогда не узнает о содержании данного письма.

Институциональное устройство современной политики предполагает наличие риторических механизмов аргументации до такой степени, что их публичное отрицание становится объектом для массовых насмешек. Достаточно вспомнить знаменитый ляп Бориса Грызлова, заявившего, что Государственная дума «не место для дискуссий». Это говорит о том, что современная политика и ее теоретическое осмысление были во многом сформированы риторическими способами аргументации, без понимания которых проблематично понимание политики как таковой.

Изучение риторических способов аргументации в политике важно для понимания политической символизации как неконвенционального образования смыслов, ведущего к коллективной самоидентификации. Политическая символизация вряд ли поддается прогнозированию, но анализ риторической аргументации и контекста ее использования может помочь спрогнозировать возможность или маловероятность условий для «запуска» процессов символизации.

Анализ риторики как способ понимания политики

Особую ценность для понимания аргументационного модуса политической реальности представляют исследования кембриджской школы речевых актов. Сделав акцент на способах концептуализации, которыми пользуются политические теоретики, а также на поиске причин, почему они пользуются именно такими способами в конкретной мыслительной ситуации, К. Скиннер пришел к фактически марксистскому выводу о том, что нормативные акты в политике не являются просто фиксацией должного порядка, они есть инструменты идеологической дискуссии (Skinner, 2002: 176).

Выявленное Скиннером тесное взаимодействие категорий описания и оценки политики и особенно ее морального модуса ведет к формированию нормативно-

го вокабуляра поощряющего/осуждающего конкретные политические действия (Ibid.: 175). Результатом диалектического синтеза данных понятий становится троп *переописания* того или иного политического акта в ином оценочном свете (Рорти, 1996). Так, мужество может быть оценено как безрассудство, щедрость как расточительность, подлость как благоразумие, а упрямство как принципиальность. При этом направление перехода от одного оценочного суждения к другому может меняться в зависимости от контекста, что предполагает измерение механизма аргументации.

Для школы речевых актов апелляция к риторике как способу политической аргументации выглядит вполне предсказуемо. Сходная апелляция (хотя и выраженная в других терминах и с совершенно иных методологических позиций) обнаруживается в исследованиях У. Райкера и его последователей. Райкер установил, что эмпирический факт коллективного политического решения зависит от изменения характера координат, в рамках которых предлагается сделать выбор (Riker, 1986: 147–151; Shepsle, 2003: 309–310).

В ходе второй избирательной кампании Барака Обамы его программа обоснованно критиковалась оппонентами как неэффективная, однако Обаме удалось одержать убедительную победу, апеллируя к тому, что предлагаемый им курс более уместен, поскольку более справедлив. С позитивистской точки зрения (а именно она присутствует в теории общественного выбора) обнаружен факт политической манипуляции общественным сознанием, но в рамках исследования политической аргументации это можно трактовать как делиберативный процесс выработки политического решения как общего толкования смысла политики.

Неслучайно в делиберативной теории демократии (и в коммуникативных подходах к политике вообще) механизму аргументации уделяется особое внимание. Правда, поначалу в рамках коммуникативной теории действия аргументация отождествлялась с рациональным диалогом как таковым, когда побеждал тот аргумент, который нельзя разумно отклонить (Habermas, 1996). Однако такой взгляд не учитывал очевидную политическую реальность: невозможность и неспособность аргументированного несогласия с другой точкой зрения не тождественны, а значит, в ходе рациональной делиберации преимущество получают более информированные (квалифицированные) социальные группы. Поэтому, как это ни покажется странным, признание применимости риторических аргументов «уравнивает шансы» в рамках политической делиберации, делая различные социальные группы сопричастными процессу выработки общих смыслов политики (Dryzek, 2002: 168). Убедительность политической риторики как аргументации выходит за рамки рациональной аргументации как делиберации Хабермаса (менее рациональные аргументы могут быть более убедительны).

Кроме того, риторическая аргументация дает возможность комбинировать различные речевые ситуации, позволяя запускать механизмы интеграции в обществе с «растрескавшейся» субъективностью. Такие интеграционные механизмы могут

быть столь разнообразными, сколь разнообразной может быть риторическая комбинаторика используемых речевых ситуаций (Dryzek, 2010: 327).

Таким образом, для очень разных (зачастую антагонистических) теоретических подходов к политике на сегодняшний день общим является признание важности политической риторики, позволяющей распространять политическую аргументацию в обществе и адаптировать различные формы политического мышления к различной аудитории. Однако такая адаптация во многом технологична и не запускает процесс политической символизации, хотя и может создать для нее условия. Политическая символизация возникает тогда, когда аудитория, находясь под воздействием «риторического театра», сама выбирает себе ту или иную роль в политической «пьесе».

Контекстуальный анализ политической риторики

Важность контекста, в котором разворачивается политическая аргументация, демонстрирует недостаточность семантических аналитических конструкций для понимания смыслов политики. Фиксируя систему языковых значений, семантика не способна заметить институциональные и культурные условия организации политического *обсуждения*. Именно в пространстве политических суждений взаимодействуют участники коллективной делиберации, вне зависимости от того, являются ли они субъектами или объектами аргументации (Finlayson, 2007; Finlayson, Martin, 2008). Тем самым создается пространство «*риторической ситуации*» (Bitzer, 1998). Парламентские дебаты, речи на митингах и политические ток-шоу сильно различаются по характеру используемой аргументации, даже если участники этих мероприятий одни и те же. Контекст аргументации задается как формально зафиксированной регламентацией, так и неформальными ожиданиями аудитории, в основе которых могут лежать устойчивые культурные традиции и ситуативное стечение обстоятельств.

Регламентированный характер политической дискуссии не является непреодолимым препятствием для расширения (или сужения) правил и пределов аргументации. Особенность политических аргументов в том, что они чаще всего носят спорный характер, будучи своего рода «яблоками раздора» делиберации. Поэтому в политической дискуссии зачастую преимущество получает не тот, кто концентрируется на убедительности аргументации, а тот, кто фиксирует свою позицию как принципиально отличную от других. В рамках риторики это состояние описывается теорией стасиса, опирающейся на четыре вида аргументов: предположение (есть ли то, о чем спорить), определение (есть то, о чем следует спорить), качество (о чем спор), уместность (стоит ли об этом спорить).

Можно предположить, что различная ценностная ориентация политических акторов диктует акцент на том или ином виде аргументации. Так, для охранителей, скорее всего, характерен аргумент уместности, приобретающий в политическом контексте апелляцию к необходимости деполитизации обсуждаемых проблем

(бюджетом должны заниматься финансисты, обороной и правопорядком — силовики и т. д.). Тем самым консерваторы заявляют об опасности политизации неподобающих сфер деятельности, но делают это в рамках политической аргументации (Хиршман, 2010: 92–144). Если консерваторы, апеллируя к уместности, пытаются сократить пространство публичного политического обсуждения, то сторонники социализма, напротив, стремятся его расширить, но чаще акцентируют внимание на аргументе определения: бедность — это политическая проблема, рынок — политическое явление и т. д.

Понятно, что представители разных типов идеологической ориентации тяготеют к разным условиям «риторической ситуации». Сторонники левых взглядов склонны апеллировать к массовой аудитории (даже если это происходит заочно в стенах парламента), правые больше ориентированы на конкретного оппонента, неуместность позиции которого они пытаются доказать. Процессы политической символизации более вероятны в рамках апелляции к левым взглядам, так как сторонники последних ищут массового отклика в своем механизме аргументации.

Апелляция как довод политической риторики

То, что политика насыщена риторическими вопросами, не требующими аргументированных ответов, поскольку ответ уже заключен в самом вопросе, трюизм. Однако это не означает отсутствия обоснованных доводов в политической риторике. Более того, акторы-корреспонденты политических посланий всегда озабочены тем, чтобы их сообщения были поняты широкой аудиторией. Поэтому даже самые доктринальные политические послания, как правило, насыщены аргументами, апеллирующими к повседневной жизни людей.

Апелляция к повседневности может восприниматься не только как желание быть понятым, но и как стремление выглядеть честным и искренним. В рамках политической символизации это можно назвать сферой этоса, который складывается из элементов опыта, компетенции, формальных полномочий, репутации и человеческих качеств. Однако соединения этих элементов недостаточно, так как этос, будучи их диалектическим синтезом, образует новое качество целостности, несводимое к сумме частей. Именно этос как признак политической символизации показывает ограниченность политических технологий, с помощью которых формируется политический имидж. Последний есть результат технологической комбинаторики, которая, даже будучи высокопрофессиональной, может оставить широкие социальные слои равнодушными к безупречному, с точки зрения имиджа, политику или партии.

Один из самых распространенных риторических приемов обращения к этосу в политическом контексте — апелляция к авторитету. Если политический режим легитимен, то суждения власти вызывают массовое уважение. Отрицание авторитета также апеллирует к этосу. В этом оспаривается неоспоримое на основании «доводов разума», «из лучших побуждений», «во имя светлого будущего», «ради

общего блага» и т. д. Либерализм апеллирует к авторитету разума (точнее, рационализма), консерватизм — к авторитету традиции, социализм — к авторитету «гласа народа».

Источник или транслятор того или иного авторитета должен восприниматься его сторонниками (потенциальными или актуальными) как «свой человек», заслуживающий доверия, уважения, вызывающий симпатию. Без этого процесс коллективной самоидентификации, вызванной той или иной риторической апелляцией к авторитету, не может быть запущен. Суждения конкретных политических акторов формируют политический стиль апелляции к публике, а множественные толкования последней в случае интеграции формируют определенный стиль мышления (в терминологии Манхейма (Манхейм, 1994). Политики и их сторонники «говорят на одном языке», который «непонятен» идеологическим оппонентам. При этом персоналистская стилистика аргументации может быть типологически разнообразной, ситуативной и не иметь четкой идеологической привязки. «Сильный и надежный лидер», «одиноким искатель правды и справедливости», «защитник маленького человека» — все это может находиться в любой части идеологического спектра.

В стилистике политической аргументации апелляция к этосу тесно переплетена (но не тождественна) с апелляцией к эмоциональному пафосу. С нормативной точки зрения это самая «подозрительная» и ненадежная сфера политической аргументации. Эмоции усиливают остроту восприятия, что нередко воспринимается негативно — как гипертрофия смыслов политических суждений. С одной стороны, это может сверх меры упростить толкование политической реальности, с другой — способно провоцировать массовые фобии, ведущие не столько к коллективной самоидентификации, сколько к массовой агрессивности.

Для политической символизации значимы не все эмоциональные проявления в политическом контексте. Массовое толкование вызывают только те политические послания, которые наряду с сильными эмоциями сопровождаются «высоким смыслом», вызвавшим данные эмоции (отсюда и пафос). Пафос может быть как положительным, так и отрицательным, т. е. пафос может быть окрашен как положительными, так и отрицательными эмоциями, но смыслы, их вызвавшие, не могут быть мелкими.

Пафосные эмоции в политическом контексте, как правило, имеют сильную доктринальную окраску, в основе которой лежат ключевые нормативные политические понятия: «свобода», «справедливость», «отечество» и т. д. Доктринальность очень хорошо поддается риторической технологизации, но для того, чтобы последняя была эффективна, пафос должен опираться на реальные массовые толкования политических суждений, а не на технологически созданную их видимость.

Говоря о риторике как технике убеждения, нельзя не признать принципиальное значение апелляции к «разуму», логике и здравому смыслу, т. е. к тому, что в рядоположенном вокабуляре этоса и пафоса можно назвать логосом. В контексте политической аргументации речь идет скорее о квазилогике, поскольку риториче-

ские приемы в политической делиберации зачастую являются как *бы* логичными, в строгом смысле этого слова оказываясь либо логически неточными, либо целенаправленно ошибочными. Не будем забывать, что аргументация в пространстве политики преследует цель убедить аудиторию, а не найти истину.

Риторический логос — это не законы логики, а средства убеждения, которые как будто бы тождественны законам логики. Последняя оперирует категориями определения, соотношения, разделения, вероятности, очевидности, взаимности, причины и следствия, средства и цели, а риторическая квазилогика *апеллирует* к тому же самому как аргументационному механизму создания общего политического смысла. Политическое сообщество подводит к «очевидному» выводу, который если и требовал доказательств, то только для того, чтобы убедить «ошибающихся» или «разоблачить» оппонентов.

Таким образом, в политической реальности механизмы *аргументации* серьезно отличаются от способов развертывания *экспертного* знания. В публичном политическом пространстве, как правило, не спорят о самом механизме жесткой монетарной политики, например. Линия размежевания проходит по таким темам, как увеличение бедности и рост имущественного неравенства с одной стороны и оздоровление экономики и создание предпосылок для роста деловой активности — с другой. При этом сторонники социальной справедливости не будут апеллировать к тому, что нужно усугубить экономические проблемы и воспрепятствовать росту деловой активности, а защитники свободного рынка не будут настаивать на необходимости роста имущественного неравенства и увеличения бедности. На уровне значений и позитивистски понятых причинно-следственных связей и то и другое будет иметь место, но в контексте политической аргументации формирующиеся нарративы коллективной самоидентификации будут толковаться с использованием нормативно «отфильтрованного» вокабуляра.

Как было показано выше, механизмы подобной «филтрации» имеют комплексный характер риторической апелляции. Однако даже успешное донесение того или иного политического послания до коллективного адресата еще не будет свидетельствовать о запуске процессов политической символизации. Для последней недостаточно, чтобы те или иные социальные группы согласились с предложенным курсом, данный курс должен быть этими социальными группами самостоятельно истолкован, приведя к смысловому «резонансу» формирующейся политики. Это не будет обратная связь в политической системе Истона, т. к. коллективное толкование приведет к формированию новых смыслов, что не укладывается в бихевиористскую логику стимул-реакция, т. к. в ней новое качество в принципе не производится. Именно *новое качество политического смысла* способно перевести *риторический механизм политической аргументации* в *формат коллективного политического действия*.

* * *

Можно сказать, что политическая символизация не существует без риторики как механизма аргументации в определенном контексте. Риторика является неотъемлемой частью политической реальности, к которой разворачивается политическая символизация. Однако при этом не следует преувеличивать роль риторической аргументации в процессе символизации. Не всякая (даже успешная) риторическая апелляция к политическому сообществу способна привести к устойчивой и деятельной коллективной самоидентификации, сопровождающейся выработкой новых политических смыслов через коллективные суждения.

Литература

- Аристотель.* (1978). Риторика / Пер. с древнегреч. Н. Платоновой // *Тахо-Годи А. А.* (ред.). Античные риторики. М.: Лабиринт. С. 15–164.
- Манхейм К.* (1994). Диагноз нашего времени. М.: Юрист.
- Мусихин Г. И.* (2007). Плюрализм политических ценностей или всеобщий императив свободы личности: выбор не predetermined? // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* № 3. С. 42–60.
- Мусихин Г. И.* (2015а). Концептуализация политической символизации // *Политические исследования.* № 5. С. 130–144.
- Мусихин Г. И.* (2015б). Политический миф как разновидность политической символизации // *Общественные науки и современность.* № 5. С. 102–117.
- Мусихин Г. И.* (2015в). Символизация как контекстуальный синтез политической онтологии, политической эпистемологии и политического языка // *Общественные науки и современность.* № 6. С. 45–57.
- Рорти Р.* (1996). Случайность, ирония и солидарность / Пер. с англ. И. В. Хестановой и Р. З. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество.
- Тодоров Ц.* (1998). Теории символа / Пер. с фр. Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги.
- Филиппов А. Ф.* (2007). Социология пространства. СПб.: Владимир Даль.
- Хиришман А. О.* (2010). Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Цицерон.* (1994). Эстетика: Трактаты. Речи. Письма. М.: Искусство.
- Черных А. И.* (2013). Медиа и ритуалы. М., СПб.: Университетская книга.
- Шмитт К.* (2015). Политический романтизм. М.: Праксис.
- Antaki C., Leudar I.* (1991). Recruiting the Record: Using Opponents' Exact Words in Parliamentary Argumentation // *Text.* Vol. 21. № 4. P. 467–488.
- Barthes R.* (1977). Rhetoric of the Image // *Heath S.* (ed.). *Image, Music, Text.* New York: Hill and Wang. P. 32–51.
- Bitzer L.* (1998). The Rhetorical Situation // *Lucaites J., Condit C. M., Caudill S.* (eds.). *Contemporary Rhetorical Theory.* London: Guilford Press. P. 217–226.

- Browne J., Dickson E.* (2010). «We Don't Talk to Terrorists»: On the Rhetoric and Practice of Secret Negotiations // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 54. № 3. P. 379–407.
- Condor S., Gibson S.* (2007). «Everybody's Entitled to Their Own Opinion»: Ideological Dilemmas of Liberal Individualism and Active Citizenship // *Journal of Community and Applied Social Psychology*. Vol. 17. № 2. P. 115–140.
- Deacon D., Wring D.* (2011). Reporting the 2010 General Election: Old Media, New Media — Old Politics, New Politics // *Wring D., Mortimore R.* (eds.). *Political Communication in Britain: The Leader Debates, the Campaign and the Media in the 2010 General Election*. Palgrave: Macmillan. P. 281–303.
- Dryzek J.* (2002). *Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations*. Oxford: Oxford University Press.
- Dryzek J.* (2010). Rhetoric in Democracy: A Systemic Appreciation // *Political Theory*. Vol. 38. № 3. P. 319–339.
- Easterly W., Williamson C.* (2011). Rhetoric versus Reality: The Best and Worst of Aid Agency Practices // *World Development*. Vol. 39. № 11. P. 1930–1949.
- Finlayson A.* (2007). From Beliefs to Arguments: Interpretive Methodology and Rhetorical Political Analysis // *British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 9. № 4. P. 545–563.
- Finlayson A.* (2008). «It Ain't What You Say...»: British Political Studies and the Analysis of Speech and Rhetoric // *British Politics*. Vol. 3. № 4. P. 445–464.
- Freeden M.* (1996). *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford: Clarendon.
- Freeden M.* (2005). What Should the «Political» in Political Rhetory Explore? // *Journal of Political Philosophy*. Vol. 13. № 2. P. 113–134.
- Habermas J.* (1996). *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge: MIT Press.
- Hehir A.* (2011). *The Responsibility to Protect: Rhetoric, Reality and the Future of Humanitarian Intervention*. Hampshire: Palgrave Macmillan.
- Howarth D., Norval A., Stavrakakis Y.* (eds.). (2000). *Discourse Theory and Political Analysis*. Manchester: Manchester University Press.
- Jansen H., Koop R.* (2005). Pundits, Ideologues, and the Ranters: The British Columbia Election Online // *Canadian Journal of Communication*. Vol. 30. № 4. P. 613–632.
- Jouët J., Vedel T., Comby J.-B.* (2011). Political Information and Interpersonal Conversations in a Multimedia Environment // *European Journal of Communication*. Vol. 26. № 4. P. 361–375.
- Laclau E.* (1990). *New Reflections on the Revolution of Our Time*. London: Verso.
- Laclau E.* (2007). *On Populist Reason*. London: Verso.
- McCrisken T.* (2011). Ten Years On: Obama's War on Terrorism in Rhetoric and Practice // *International Affairs*. Vol. 87. № 4. P. 781–801.
- Norval A.* (1996). *Deconstructing Apartheid Discourse*. London: Verso.
- Palonen K.* (2005). Political Theorizing as a Dimension of Political Life // *European Journal of Political Theory*. Vol. 4. № 4. P. 351–366.

- Partington A.* (2003). *The Linguistics of Political Argument*. London: Routledge.
- Perelman C., Olbrechts-Tyteca L.* (1969). *The New Rhetoric*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
- Nicholas A. V., Yioryos N.* (2013). *Political Communication: Form and Consequence of the Information Environment // Huddy L., Sears D. O., Levy J. S. (eds.). The Oxford Handbook of Political Psychology*. Oxford: Oxford University Press. P. 559–590.
- Pugh M.* (1982). *The Making of Modern British Politics 1867–1939*. Oxford: Blackwell.
- Riker W. H.* (1986). *The Art of Political Manipulation*. New Haven: Yale University Press.
- Shepsle K. A.* (2003). *Losers in Politics (and How They Sometimes Become Winners): William Riker's Heresthetic // Perspectives on Politics*. Vol. 1. № 2. P. 307–315
- Skinner Q.* (1997). *Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Skinner Q.* (2002). *Visions of Politics: Regarding Method*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Thomans L., Wareing S.* (1999). *Language, Society and Power*. London: Routledge.
- Thompson J. B.* (2011). *Shifting Boundaries of Public and Private Life // Theory, Culture and Society*. Vol. 28. № 4. P. 49–70.
- Toulmin S. E.* (2003). *The Uses of Argument*. Cambridge: Cambridge University Press.
- van Dijk T.* (2008). *Discourse and Power*. New York: Palgrave Macmillan.
- Van Zoonen L.* (2005). *Entertaining the Citizen: When Politics and Popular Culture Converge*. Oxford: Rowman & Littlefield.
- Van Zoonen L., Vis F., Mihelj S.* (2011). *YouTube Interactions Between Agonism, Antagonism and Dialogue: Video Responses to the Anti-Islam Film *Fitna* // New Media and Society*. Vol. 13. № 8. P. 1283–1300.
- Young I. M.* (2000). *Inclusion and Democracy*. Oxford: Oxford University Press.

Political Rhetoric as a Quasi-Symbolization?

Gleb Musikhin

Dr. Sci. (Pol.), Professor, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: gmusikhin@hse.ru

The article considers rhetoric as the main channel of argumentation in the context of political symbolization. The article draws the substance of political symbolization from the theory of the symbol, introduced by German Romantics. Political symbolization is conceptualized in terms of the multiplicity of unstated meanings in communication within a political context. The findings of the article have a significant implication in that political symbolization is a unpredictable phenomenon; it becomes “visible” as if it has been happening in reality. However, in the collective perception due to the dispositions of interpreters, political symbolization is presented as more essential than the viscera of life. The author shows how the mechanism of persuasion may become

an independent, productive source in the sphere of politics. Thus, the mechanism of persuasion cannot be simplified to the translation of the ideas, but it is also capable of producing new meanings. In this framework, political argumentation can be used not only for promoting ideas in the sphere of politics, but might produce politics itself. Arguments that might be marked as “true” or “false” are transformed into judgments of the ideologically normative language. Therefore, the ability “to impose” one’s ideological perspective on the public gains crucial importance as it consists of axiological and cognitive elements. Resources taken from argumentation mechanisms maintain a real political force in the process of agenda-setting. However, not any rhetorical message appealing to a specific political community will lead to the steady and efficient process of collective self-identification, which is always followed by the production of new political meanings through collective judgments.

Keywords: rhetoric, political argumentation, mechanisms of persuasion, symbol, political symbolization, German Romanticism

References

- Antaki C., Leudar I. (1991) Recruiting the Record: Using Opponents’ Exact Words in Parliamentary Argumentation. *Text*, vol. 21, no 4, pp. 467–488.
- Aristotle (1978) *Ritorika* [Rhetorics]. *Antichnye ritoriki* [Ancient Rhetoricians], Moscow: Labirint, pp. 15–164.
- Barthes R. (1977) Rhetoric of the Image. *Image, Music, Text* (ed. S. Heath), New York: Hill and Wang, pp. 32–51.
- Bitzer L. (1998) The Rhetorical Situation. *Contemporary Rhetorical Theory* (eds. J. Lucaites, C. M. Condit, S. Caudill), London: Guilford Press, pp. 217–226.
- Browne J., Dickson E. (2010) “We Don’t Talk to Terrorists”: On the Rhetoric and Practice of Secret Negotiations. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 54, no 3, pp. 379–407.
- Chernykh A. (2013) *Media i ritualy* [Media and Rituals], Moscow, Saint Petersburg: University Book.
- Cicero (1994) *Jestetika: Traktaty. Rechi. Pis'ma* [Aesthetics: Treatises, Speeches, Letters], Moscow: Iskusstvo.
- Condor S., Gibson S. (2007) “Everybody’s Entitled to Their Own Opinion”: Ideological Dilemmas of Liberal Individualism and Active Citizenship. *Journal of Community and Applied Social Psychology*, vol. 17, no 2, pp. 115–140.
- Deacon D., Wring D. (2011) Reporting the 2010 General Election: Old Media, New Media — Old Politics, New Politics. *Political Communication in Britain: The Leader Debates, the Campaign and the Media in the 2010 General Election* (eds. D. Wring, R. Mortimore), Palgrave: Macmillan, pp. 281–303.
- Dryzek J. (2002) *Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations*, Oxford: Oxford University Press.
- Dryzek J. (2010) Rhetoric in Democracy: A Systemic Appreciation. *Political Theory*, vol. 38, no 3, pp. 319–339.
- Easterly W., Williamson C. (2011) Rhetoric versus Reality: The Best and Worst of Aid Agency Practices. *World Development*, vol. 39, no 11, pp. 1930–1949.
- Filippov A. (2007) *Sociologija prostranstva* [Sociology of Space], Moscow: Vladimir Dal.
- Finlayson A. (2007) From Beliefs to Arguments: Interpretive Methodology and Rhetorical Political Analysis. *British Journal of Politics and International Relations*, vol. 9, no 4, pp. 545–563.
- Finlayson A. (2008) “It Ain’t What You Say...”: British Political Studies and the Analysis of Speech and Rhetoric. *British Politics*, vol. 3, no 4, pp. 445–464.
- Freeden M. (1996) *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*, Oxford: Clarendon.
- Freeden M. (2005) What Should the “Political” in Political Rhetory Explore? *Journal of Political Philosophy*, vol. 13, no 2, pp. 113–134.
- Habermas J. (1996) *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*, Cambridge: MIT Press.
- Hehir A. (2011) *The Responsibility to Protect: Rhetoric, Reality and the Future of Humanitarian Intervention*, Hampshire: Palgrave Macmillan.
- Hirshman A. (2010) *Ritorika reakcii: izvrashhenie, tshhetnost', opasnost'* [The Rhetoric of Reaction: Perversity, Futility, Jeopardy], Moscow: HSE.

- Howarth D., Norval A., Stavrakakis Y. (eds.) (2000) *Discourse Theory and Political Analysis*, Manchester: Manchester University Press.
- Jansen H., Koop R. (2005) Pundits, Ideologues, and the Ranters: The British Columbia Election Online. *Canadian Journal of Communication*, vol. 30, no 4, pp. 613–632.
- Jouët J., Vedel T., Comby J.-B. (2011) Political Information and Interpersonal Conversations in a Multimedia Environment. *European Journal of Communication*, vol. 26, no 4, pp. 361–375.
- Laclau E. (1990) *New Reflections on the Revolution of Our Time*, London: Verso.
- Laclau E. (2007) *On Populist Reason*, London: Verso.
- Mannheim K. (1994) *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time], Moscow: Jurist.
- McCrisken T. (2011) Ten Years On: Obama's War on Terrorism in Rhetoric and Practice. *International Affairs*, vol. 87, no 4, pp. 781–801.
- Musikhin G. (2007) Pljuralizm politicheskikh cennostej ili vseobshhij imperativ svobody lichnosti: vybor ne predopredelen? [Pluralism of Political Values or Universal Imperative for Personal Freedom: Does the Choice Predestine?]. *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz*, no 3, pp. 42–60.
- Musikhin G. (2015) Konceptualizacija politicheskoj simvolizacii [The Conceptualization of Political Symbolization]. *Political Studies*, no 5, pp. 130–144.
- Musikhin G. (2015) Politicheskij mif kak raznovidnost' politicheskoj simvolizacii [The Political Myth as a Kind of Political Symbolization]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no 5, pp. 102–117.
- Musikhin G. (2015) Simvolizacija kak kontekstual'nyj sintez politicheskoj ontologii, politicheskoj jepistemologii i politicheskogo jazyka [Symbolization as a Contextual Synthesis of Political Ontology, Political Epistemology, and Political Language]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no 6, pp. 45–57.
- Norval A. (1996) *Deconstructing Apartheid Discourse*, London: Verso.
- Palonen K. (2005) Political Theorizing as a Dimension of Political Life. *European Journal of Political Theory*, vol. 4, no 4, pp. 351–366.
- Partington A. (2003) *The Linguistics of Political Argument*, London: Routledge.
- Perelman C., Olbrechts-Tyteca L. (1969) *The New Rhetoric*, Notre Dame: University of Notre Dame Press.
- Nicholas A. V., Yioryos N. (2013) Political Communication: Form and Consequence of the Information Environment. *The Oxford Handbook of Political Psychology* (eds. L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy), Oxford: Oxford University Press, pp. 559–590.
- Pugh M. (1982) *The Making of Modern British Politics 1867–1939*, Oxford: Blackwell.
- Riker W. H. (1986) *The Art of Political Manipulation*, New Haven: Yale University Press.
- Rorty R. (1996) *Sluchajnost', ironija i solidarnost'* [Contingency, Irony, and Solidarity], Moscow: Russian Phenomenological Society.
- Shepsle K. A. (2003) Losers in Politics (and How They Sometimes Become Winners): William Riker's Heresthetic. *Perspectives on Politics*, vol. 1, no 2, pp. 307–315.
- Skinner Q. (1997) *Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Skinner Q. (2002) *Visions of Politics: Regarding Method*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Thomans L., Wareing S. (1999) *Language, Society and Power*, London: Routledge.
- Thompson J. B. (2011) Shifting Boundaries of Public and Private Life. *Theory, Culture and Society*, vol. 28, no 4, pp. 49–70.
- Todorov C. (1998) *Teorii simvola* [Theories of the Symbol], Moscow: Dom intellektual'noj knigi.
- Toulmin S. E. (2003) *The Uses of Argument*, Cambridge: Cambridge University Press.
- van Dijk T. (2008) *Discourse and Power*, New York: Palgrave Macmillan.
- Van Zoonen L. (2005) *Entertaining the Citizen: When Politics and Popular Culture Converge*, Oxford: Rowman & Littlefield.
- Van Zoonen L., Vis F., Mihelj S. (2011) YouTube Interactions Between Agonism, Antagonism and Dialogue: Video Responses to the Anti-Islam Film Fitna. *New Media and Society*, vol. 13, no. 8, pp. 1283–1300.
- Young I. M. (2000) *Inclusion and Democracy*, Oxford: Oxford University Press.